

SCIENTIFIC
KMK
PRESS LTD.

Л.Ф.К. Мейс

ЗАГАДКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

МОСКВА 1996

SCIENTIFIC
KMK
PRESS LTD.

Л.Ф.К. Мейс

ЗАГАДКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

**KMK Scientific Press
1996**

Dr. med. L.F.C.Mees

Wie sich der Mensch bewegt DAS PROBLEM DER MOTORISCHEN NERVEN

*перевод с немецкого Натальи Зоркой
под редакцией Генриха Шнапира*

Голландский врач, доктор медицины Л.Ф.К. Мейс был последователем Рудольфа Штайнера и проводил свои исследования на основе методов духовной науки. Проблема движения человека и, в частности, проблема моторных нервов с точки зрения материалистической науки является узко специальной. Доктор Мейс в своей книге “Загадка человеческого движения” показывает к каким неожиданным результатам можно прийти, если преодолеть материалистические предрасудки и выработать взгляд на наше окружение, который учитывает такие понятия, как “жизнь”, “душа” и “дух”. Для тех, кто “ещё не полностью утратил понимание реальности этих понятий” данная работа представляет несомненный интерес.

ISBN 5—87317—028—2

© — “КМК”, оригинал-макет, 1996.
© — Любарский Г.Ю., обложка, 1996.
© — Шнапир Г.А., издание на русском языке, 1996.

Введение

В 1914 году началась Первая мировая война. Эта война была, на мой взгляд, преимущественно экономической. Поскольку я пережил ее в относительно сознательном возрасте, я хорошо помню, как один из наших учителей, убежденный в том, что Германия этой войны желала, говорил: “Германия уже завоевала мир”. Примером тому было известное “made in Germany”, в чем сами англичане как бы признавали, что немецкие продукты превосходят по качеству другие.

Мирный договор 1919 года был для Германии суровым, суровым настолько, что вскоре оказалось — чтобы Германия могла выплачивать репарации, она вынуждена была делать все новые долги. “Тигр” Франции, Клемансо, вне всякого сомнения, именно к этому и стремился. Американская же сторона предложила некоторое решение проблемы, на котором мы здесь не станем останавливаться.

Многим будет интересно узнать, что Рудольф Штайнер, убежденный в великой несправедливости экономических решений Версальского договора в отношении Германии, сказал тогда: “Если этот мирный договор будет принят, через 20 лет он приведет к новой мировой войне”. За этим утверждением скрывалось глубокое проникновение в социальную действительность, которое он позднее развил в своей книге “Основные моменты социального вопроса” (см. УЛ. 1). То, что он предсказывал — свершилось: ровно через двадцать лет началась Вторая мировая война. Германия и в ней находилась в центре.

Эта война имела прежде всего идеологическую подоплеку. Если в Первой мировой войне речь шла о том, чтобы экономически задавить Германию, то во Второй дело было в идеологических проблемах, таких как: национал-социализм, большевизм, расизм, горькие последствия которых многим из нас пришлось пережить.

В двух этих понятиях — “экономика” и “идеология” — обнажается очень глубокое противоречие. Можно утверждать, что феномен идеологии мы преимущественно встречаем в восточной части мира. На Западе же все более или менее вращается вокруг проблем экономики.

Идеология на Востоке, экономика на Западе. Рассмотрим это противопоставление подробнее. Идеология содержит в себе опасность развития нетерпимости; нетерпимость, со своей стороны, легко может привести к становлению диктатуры. Насколько это реально, нам уже слишком хорошо известно. Коммунизм можно рассмотреть прежде всего как идеологию; понятия “нетерпимости” и “диктатуры” отнюдь не чужды России и странам бывшего восточного блока.

Экономика, напротив, всегда принципиально связана с конкуренцией, которая, в свою очередь, приводит человека к все более и более эгоистической жизненной ориентации.

экономика — конкуренция — эгоизм
идеология — нетерпимость — диктатура

Эгоизм и диктатура предстают как наибольшие противоречия, так как они связаны с понятиями “индивидуализма” и “тоталитаризма”.

Мы можем сделать еще один шаг вперед, сказав, что диктатура всегда связана с навязыванием определенного убеждения, которое лучше всего можно охарактеризовать понятием “догмы”. Вовне это проявляется прежде всего как “власть”. Эгоизм внутри экономического развития довольно легко приводит к материалистическому жизненному укладу. Можно рассматривать “материализм” и “догматизм” как полярные явления. Внешне материализм проявляется и действует как стремление к собственности. Так мы подходим к следующему противопоставлению “власти” и “собственности”, двум преобладающим характеристикам Востока и Запада.

экономика — конкуренция — эгоизм —
материализм — собственность
идеология — нетерпимость — диктатура —
догматизм — власть

Конечно, на Востоке существуют и экономические проблемы, также как на Западе существует стремление к власти, но мне представляется существенным обозначенное выше противопоставление: власть на Востоке, богатство на Западе.

Мы должны далее констатировать, что два этих направления приходят к жесткому столкновению, и весьма жесткому, как стенка на стенку; это — Берлинская стена. Для меня, пожалуй, не существует более печальнойной, да и более значительной катастрофы в мире, чем существование этой физической разделяющей стены.

В упомянутой выше книге Рудольфа Штайнера “Основные моменты социального вопроса” говорится о *трехчленности* социального организма. На этом мы подробнее остановимся позже, пока же речь идет о числе “три”. Противопоставление Востока и Запада может только *тогда* прийти к нормальному отношению, когда возникает третий принцип, некая середина: середина, в которой две противоположности могут сойтись и оплодотворить друг друга. Только *тогда* станет возможным становление действительного социального общежития.

Заблуждение коммунизма заключается, с моей точки зрения, в стремлении предписывать социальное поведение. Ведь таким образом оно не может реально *развиться изнутри*.

Точно так же, возрастающий эгоизм на Западе становится препятствием для возникновения социального содружества. Тот, кто в нашей стране следит за известными проблемами (требования повышения зарплаты, стачки, локауты и пр.) может наблюдать это день за днем.

В чем причина? Почему человек с таким трудом осознает свою социальность, претворяет ее в жизнь?

Неожиданное утверждение

В самом начале этого столетия Рудольф Штайнер сделал крайне примечательное высказывание в отношении *частной* области физиологии человека. Он утверждал, что все нервы являются сенсорными, и что “моторных” нервов не существует.

Это утверждение становится еще более интересным, если обратить внимание, какие резкие слова он при этом употребил. Он говорил о “научном безумии разделения нервов на сенсорные и моторные”, указывая, по-моему, тем самым на очевидность того, что моторные нервы и являются сенсорными! В физиологии понятие сенсорный относят к нервам, благодаря которым происходит восприятие. О так называемых моторных нервах Рудольф Штайнер говорит, что они служат восприятию наших собственных движений.

Но вот уж совсем неожиданно звучит его заключение, что, если люди не осознают, сколь “безумным” является различие сенсорных и моторных нервов”, то невозможным будет и развитие социальной жизни.

Прочитавший такое впервые вероятно несколько удивится. Решусь утверждать, что сегодня ни один врач, ни один физиолог не станет сомневаться в существовании моторных нервов. Мне, по крайней мере, такое не встречалось. Только развившееся со временем непоколебимое доверие к личности Рудольфа Штайнера, удерживает нас от того, чтобы просто, пожав плечами, оставить его утверждение без внимания.

Здесь было бы уместным, рассказать что-нибудь о жизни и о трудах Рудольфа Штайнера, но это возможно лишь в очень ограниченном объеме. Позволю себе упомянуть лишь об одном: Рудольф Штайнер ориентировался практически во всех областях науки, и в такой мере, что удивлял этим многих. Надо, правда, признать — только тех, кто действительно занимался работами Рудольфа Штайнера. (Отмечу, между прочим, что его наследие так объемисто и разнообразно, как ни у кого другого). Причина, по которой многие оставляют его без внимания — обычная, это предрассудки, как религиозные, так и научные.

Если кто-то соберется прочесть что-нибудь из работ Рудольфа Штайнера, советую ему обращать внимание, не только на то, что он говорит, но и на то, как он говорит.

Поскольку я многие годы провел рядом с Рудольфом Штайнером, я опираюсь на собственный опыт, когда говорю, что не могу вспомнить более скромного человека. Это чувствуется и при чтении его книг.

Можно охарактеризовать антропософию как развитие нового способа восприятия окружающего нас мира, которое идет не только “от головы”, но и от “сердца”. Этот вид восприятия в науке не особенно принят, если вообще не подзапрещен, несмотря на то, что новые подходы, например, в физике, развиваются именно в этом направлении. То, что, несмотря на очень большое сопротивление, антропософия уже показала и показывает свою плодотворность в области педагогики, сельского хозяйства, лечебной практики, в искусстве и пр., видно по постоянному расширению сети Вальдорфских школ, биодинамических сельскохозяйственных предприятий, увеличению числа антропософски ориентированных врачей, больниц, лечебно-педагогических учреждений.

Говорю об этом, лишь для того, чтобы подчеркнуть, что приведенное выше загадочное утверждение Рудольфа Штайнера заслуживает серьезного отношения хотя бы настолько, чтобы задаться вопросом: на чем же основано это высказывание о безумии различения нервов на сенсорные и моторные, и как может быть, что официальная физиология и медицина вообще не принимают это во внимание?

Упомянутое утверждение Рудольф Штайнер делал не однажды, и даже много раз. Сведения о том, когда и где он об этом говорил можно почерпнуть из небольшой книжицы “К вопросу о моторных и сенсорных нервах: Отрывки из произведений Рудольфа Штайнера” (УЛ.,2). В цикле лекций “Geisteswissenschaftliche Behandlung sozialer und padagogischer Fragen” (см. УЛ.3) Рудольф Штайнер говорил следующее:

“Так называемые моторные нервы существуют лишь для того, чтобы мы внутренне могли воспринимать наши движения, то есть, чтобы мы обладали чувствительностью по отношению к нашим действиям в качестве людей. Также как

благодаря сенсорному глазному нерву человек воспринимает свет, так и благодаря "моторным" нервам человеку передается восприятие его собственных движений...".

Что же касается замечания о взаимосвязи этого факта и социальной жизни, Рудольф Штайнер высказал по этому поводу примерно следующее:

Если понимание того, что моторные нервы являются сенсорными не найдет признания, человечество не сможет выработать правильное отношение к социальному окружению!

Загадка человеческого движения Общепринятая теория

Многие читатели, возможно, удивятся, что речь здесь зашла о “загадке”. Мол, дело тут, само собой разумеется, заключено в нашей мускулатуре, которая и движет нашим телом. Мышцы способны сокращаться. Они связаны с нашим скелетом; он в основном и “окутан” мышцами. Таким образом, благодаря сокращению мышц, мы можем изменять положение отдельных частей скелета по отношению друг к другу, иными словами — можем двигаться.

Однако, можно задаться вопросом, как же происходит это сокращение. Уже сотни лет тому назад было сделано открытие, что существуют два вида нервов — сенсорные и моторные. Сенсорные нервы соединяют органы чувств с головным мозгом. Мы получаем из окружающего мира определенные впечатления: световые, звуковые и др. Эти впечатления по нервам достигают мозга, продвигаясь, таким образом, от периферии к центру. Такие нервы на научном языке принято называть “афферентными”.

Благодаря так называемым моторным нервам от головного мозга через спинной к мышцам поступают “импульсы”; они-то и вызывают сокращение мышц. (Мощным аргументом в поддержку этой теории служит то обстоятельство, что если этот нерв перерезать, то мышцы перестают сокращаться и движение становится вследствие этого невозможным. Тогда мы имеем дело с параличом.) Так как для осуществления сложных движений бесчисленные мышечные волокна, чтобы сокращаться, должны получать бесчисленное множество то более слабых, то более сильных импульсов, их должно быть невероятно много, и при этом — разнообразных.

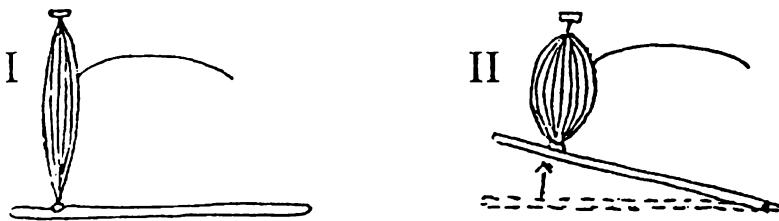
Если человек хочет сделать движение, он, согласно этой теории, посылает от головного мозга через нервы импульсы к мышцам. Они идут от центра к периферии и называются “эфферентными”.

При описании восприятия посредством сенсорных нервов все же остается вопрос: как впечатления, переданные посредством нервов головному мозгу становятся душевными переживаниями? И здесь наука пока не дает ответа.

Да и на другой вопрос: где возникает связь между нашей душевной жизнью и импульсами, которые идут от головного мозга к мышцам, когда мы двигаемся, наука также пока не смогла дать ответ. В более ранних моделях человека, как, например, при сравнении его с “индустриальным комплексом”, в мозгу человека представляли себе множество машинисток, стучащих на своих пишущих машинках; аналогичным образом объясняли различные двигательные (моторные) импульсы, посыпаемые мышцам. В известном смысле эти барышни-машинистки выступали в роли человеческой души. Однако, как же в душе возникают соответствующие импульсы — не объяснялось.

Если принять такой ход мыслей, получится, что движениями человека “диригирует” головной мозг. Двигающийся человек становится “марионеткой” собственного мозга; или, если хотите — своей головы. Многие физиологи, у которых я спрашивал, согласны ли они с таким описанием, отвечали без промедления утвердительно.

Наука всегда искала примеры, подтверждавшие подобные гипотезы экспериментально. Так известен пример с подвешенной лапкой лягушки, к которой внизу прикреплен подвижный рычажок. Если вызвать “раздражение” нерва этой мышцы (в практике это называется “нервно-мышечный препарат”) электрическим зарядом или каким-то другим раздражителем, мышца сокращается и рычажок “спешит” подняться.

Мышца при этом, естественно, становится короче, толще и тверже. Так просто предполагается объяснить, как происходит движение. Подъем маленького рычага определили как “элементарное движение”. При так называемом изучении рефлексов мы сталкиваемся с тем же явлением.

Известен и так называемый “коленный рефлекс”: если положить ногу на ногу так, что бедро ноги, лежащей сверху, не напряжено, лежит свободно, и затем слегка ударить по колену сидящего так человека, то нижняя часть ноги подпрыгнет вверх.

И в этом случае принято говорить об “элементарном движении”. Движения, которые мы совершаем в повседневной жизни, должны основываться на том же принципе, однако они бесконечно более сложны.

Предварительное обобщение выше изложенного

Следует теперь пояснить, как же поначалу понималось утверждение Рудольфа Штайнера.

В “официальном” представлении, принято, как уже говорилось, исходить из того, что через моторные нервы импульс (продемонстрированный в эксперименте с лягушкой как “сокращение”) посыпается к мышцам. — Итак, полагалось, что (согласно сказанному Рудольфом Штайнером) это следует представить себе таким образом, что по этому нерву к головному мозгу передается восприятие самой мышцы, как это бывает в случае сенсорных нервов. То есть делалось предположение, что “ток” в самом нерве *должен быть представлен как обратный*.

Второе высказывание Рудольфа Штайнера (см. стр. 7) можно было бы, на первый взгляд, понять так: человек “знает о своих движениях”, так как осознает, что происходит в его мышцах. То, что после перерезания “моторного” нерва наступает паралич, в таком случае следовало бы считать следствием того, что прекращается и осознание собственных движений.

Но правильно ли это? Действительно ли мы узнаем о своих движениях благодаря осознанию того, что происходит в наших *мышцах*? В качестве примера, наверное, могут привести чувство, которое возникает при подъеме тяжелого предмета: мышцы напрягаются. Но при этом нельзя забывать, что это напряжение мышц возникает как раз потому, что движение *затруднено!* Если я хочу свалить стену, мои мышцы напрягаются до предела, но движения не происходит. А при обычном движении мы как раз не осознаем, что же происходит в наших мышцах!

Благодаря чему же мы собственно воспринимаем движение? Конечно, мы, например, можем *видеть*, что движемся; но чтобы открыть для себя саму точку восприятия, достаточно сделать минимальное движение пальцем. На выступлениях я часто предлагал своим слушателям попробовать это, а затем спрашивал, где осознаётся движение? Обычно проходило какое-то время, пока вдруг не звучал ответ: в суставах. Особенно при совсем незначительных дви-

жениях пальцев это можно достаточно хорошо почувствовать. Хотя, конечно, все, что происходит в тканях вокруг суставов, в хрящах, сухожилиях, коже и т.д. также способствует осознанию наших движений. Но мы можем утверждать: то, что мы называем “чувством движения” локализуется преимущественно в суставах.

Как это соотносится со второй мыслью, что мы были бы парализованы, если бы не осознавали свои движения?

Существуют заболевания спинного мозга, при которых пропадает ощущение движения в суставах. Люди, страдающие такой болезнью, своих движений не чувствуют, но при этом они могут весьма хорошо двигаться. Так как они не воспринимают свои движения, они у них слишком размашистые, причем они постоянно вынуждены контролировать их своим зрением или на ощупь. В этом случае говорят об атаксии. Отсюда следует, что мы, даже не осознавая свои движения, все же в состоянии двигаться, то есть действительно не быть парализованными!

Тот факт, что мы, как говорилось выше, оказываемся полностью парализованными, если так называемый моторный нерв (который я далее буду называть мышечным нервом) перерезан, не объясняется удивительным образом, если просто сказать: это оттого, что мы больше не воспринимаем наши движения!

Но следует еще раз подчеркнуть, что до сих пор мы говорили об одной *определенной интерпретации* высказываний Рудольфа Штайнера! В ней исходят из того, что моторные нервы можно считать сенсорными только в том случае, если это афферентные *по отношению к головному мозгу* нервы, т.е. “ток” в самом нерве должен идти от мышцы к головному мозгу.

Из высказываний Рудольфа Штайнера в первую очередь следует, что мы должны порвать с расхожим представлением, будто наши мышцы сокращаются благодаря так называемым “моторным” импульсам. “Моторных нервов нет” — вот что должно стать исходным пунктом для нового способа изучения человеческого движения.

Обратимся теперь к вопросу, каким же образом вызывается сокращение мышц. Должна ведь существовать какая-то связь между мной и моими мышцами.

По этому поводу высказывались различные соображения и среди прочего, что связь между душой или “Я” (от которого в конечном счете и должен исходить импульс к движению) и мышцами осуществляется не через нервы, а через тепло. Но если мы даже будем исходить из того, что мы сокращаем свои мышцы другим способом, не через нервы, что мы при этом выиграем? Мы говорили, что в старом представлении человек, является марионеткой, а именно марионеткой его центральной нервной системы. Но и в таком представлении он остается той же марионеткой, только на место нервной системы мы вынуждены подставить наше “Я” или “душу”. Продвинулись ли мы таким образом дальше, остается под вопросом. Как в действительности происходит сокращение мышц по-прежнему совершенно не объясняется.

И кроме того: как все это связано с проблемой основания социальных сообществ?

Движение и восприятие в животном мире

Для начала спросим себя, что можно “вычитать” из того факта, что через раздражение нерва происходит сокращение мышцы. Представим себе следующее: в полутемном помещении что-то лежит на земле и я не могу различить, что это такое. Я предполагаю, что это какое-то животное. Как я могу в этом удостовериться? Например, потрогав его. А если оно начнет шевелиться, я пойму, что это животное.

Почему же животное двигается? — Да потому, что оно что-то почувствовало. Откуда мне известно, что оно что-то почувствовало? — От того, что оно пошевелилось! Так почему оно пошевелилось? — и т.д. и т.п.

Я могу непосредственно констатировать только свое восприятие и движение. Что при этом происходит между восприятием и движением, от меня скрыто; или все же не до конца?

Если я наступлю собаке на хвост, она взvoет. Почему? Конечно, каждый спонтанно ответит: потому что ей больно. Откуда это известно? После некоторого замешательства часто звучит ответ: потому что я тоже буду ощущать боль, если кто-нибудь наступит мне на ногу. Я бы, мол, тоже заскулил в таком случае. Это означает, что мы вполне представляем, что именно чувствует животное. Но самое важное тут, что мы можем вывести из этого феномена правило: движения животного всегда основаны на какой-то форме восприятия. Здесь можно говорить о “прафеномене животного”.

Представим теперь себе, что в саду мы лопатой случайно перерезали пополам дождевого червя. После этого он будет извиваться, причем и его задняя часть тоже. Почему и эта задняя часть извивается? Если это объяснять тем, что он испытывает боль, мне придется заметить, что словечко “он” для задней части уже не применимо. Это лишь кусок червя и к тому же лишенный головы! Также неуместным здесь будет сказать: у него нет головы, значит он не способен что-то воспринимать. Извивающиеся движения говорят нам внятным языком: что-то все же воспринимается. То обстоятельство, что движения животного все время связаны с восприятием, значимо и для этого случая. Что боль у дож-

девого червя, видимо, не та же, что испытывает собака, с этим я не берусь спорить. Но думаю, что совершенно уместно будет сказать, что и в кусочке червяка мы имеем дело с *восприятиями*.

В моем детстве по улицам еще ходил торговец рыбы и продавал ее. На его тележке лежали в песке живые угри. Детьми мы часто стояли рядом и наблюдали, как торговец брал угря и одним движением ловко сдирал с него кожу, а затем разделял его на кусочки. Можно было явно видеть, как “вздрогивает” каждый кусок.

Откуда эти подергивания? От того, что нечто было воспринято! Такие подергивания называют иначе конвульсиями. Из того обстоятельства, что движения животных всегда связаны с восприятием, можно вывести: как растение является “живым существом” и кусочек растения живет, пока он вовсе не погибнет, так и животное является “воспринимающим существом”, и часть этого животного способна, по крайней мере еще какое-то время, что-то испытывать! Жизнь “воспринимающего животного” однако значительно короче, чем живого растения.

Я понимаю, что поскольку в современной науке не существует адекватного выражения для этого принципа восприятия, видимо придется приложить некоторые усилия, чтобы его объяснить; но я полагаю, что это неизбежно. Да. Следует сделать еще шаг, чтобы описать третью форму жизни — человека, как существа самосознавшего. Тейяр де Шарден, с моей точки зрения, гениально охарактеризовал это различие между человеком и животным: “Человек знает, и животное знает, но человек — единственное существо, которое *знает*, что оно знает”. (В моей книге “Животные — это то, что имеют люди” — см. УЛ., 4 — я развел эту мысль.) Понятия “растительная жизнь”, “животная жизнь” и “человеческая жизнь”, как они здесь подразумеваются, соответствуют понятиям “жизнь, душа и дух” в том значении, в каком мы их употребляем в повседневной жизни. Возможно возникнет чувство, что здесь мы указываем на различие между тем, что принято называть точной наукой, для которой не существует понятий жизнь, душа и дух, и таким миропониманием, для которого эти понятия являются реальностями, хотя при этом они находятся за пределами точного знания.

Ряд: собака, дождевой червь, угорь — можно продолжить примером мышечно-нервного препарата. Почему мышца сокращается? (Почти склоняешься к тому, чтобы сказать: если кого-то неожиданно сильно ущипнуть, он испугается. В случае раздражения нерва можно было бы сказать: мышца испугана.) Мы имеем здесь дело с тем же феноменом, что и в случае перерезанного червяка и разделанного на куски угря: что-то воспринимается, что-то ощущается. Может быть и здесь речь должна идти о конвульсии?

Если это так, то тогда сокращение мышцы это реакция на восприятие. Но ведь это означает: *если мышца способна воспринимать, то мышечный нерв является сенсорным нервом мышцы, а не "нашим" с обстановкой.* Нервы действительно афферентны, но по отношению к мышцам! Это означает, что воспринимаем не мы, а наши мышцы!

Речь таким образом идет не о том, что “ток” в нервах, как мы предположили раньше, должен быть помыслен как обратный. — Тем самым мы оказываемся перед совсем новой ситуацией. Посмотрим, куда же она нас выведет.

С одной стороны, я являюсь существом, которое благодаря своим сенсорным нервам способно воспринимать, с другой стороны, я обнаруживаю, что во мне существует некий “человек из мышц”, у которого также есть свои нервы и свои возможности к восприятию и к которому я пока не имею доступа сознательной стороной своего существа!

Эта двойственность “самосознавшего существа” и “существа из мышц” указывает на два мира, существующие во мне. Я сам являюсь воспринимающим существом и так или иначе располагаю некоей мышечной системой, у которой также есть способность к восприятию. Теперь уже понятно, что нашей важнейшей задачей будет новое понимание того, как же происходят наши сознательные движения.

Перемещение и движение

Вернемся еще раз к эксперименту, в котором при раздражении нерва мышца сокращалась, благодаря чему маленький рычажок двигался вверху. Это явление было названо экспериментаторами “элементарным движением”. Однако это выражение основано на ложном понимании увиденного. А именно: некорректным будет сказать, что рычаг *двигается* вверху, он *тянется* вверх. Это решительное заблуждение, говорить в этом случае о *движении* в собственном смысле этого слова. Речь, скорее, идет о *перемещении*.

И при коленном рефлексе принято говорить об элементарном движении. Но ведь более чем понятно, что и здесь происходит простое перемещение. Своебразное чувство беспомощности, которое бывает у подопытного, также указывает на то, что в этом случае нельзя говорить о движении.

Уже говорилось, что в современной физиологии человека рассматривают как марионетку, причем совокупность его движений должна представлять собой невероятно сложный комплекс “элементарных движений”. Я вынужден, однако, уточнить, что эти так называемые движения являются только перемещениями. Движущийся человек был бы согласно этой теории постоянно “перемещаемым” существом, то есть действительно был бы подобен марионетке.

Разумеется, следует спросить себя: в чем же различие перемещения и движения? Что-то перемещается, а что-то двигается! При движении, речь, конечно, идет и о перемещении, но из этого не следует, что перемещение это и есть движение! Что такое движение, должен проиллюстрировать следующий пример.

Если мы начертим на столе круг и положим куда-нибудь на линию этого круга камешек, а затем попросим кого-либо маленьким молоточком точно по линии передвигать камешек по кругу, удастся ли ему это? Конечно, нет! Ударом молоточка камешек можно перемещать только “по прямой”. Даже если толчки будут очень слабыми, все равно невозможно точно удержаться на линии круга.

Наверное можно предположить, что и в этом случае мы имеем дело с чем-то, соответствующим нашему представлению о движении человека, если помыслить его состоя-

щим из множества перемещений, в свою очередь вызванных множеством мышечных толчков.

Как же можно было бы и вправду перемещать камешек по кругу? Если взять его в руку! — Произнеся это, мы переступили в совершенно другой мир. Мы больше не имеем дела с молоточком и перемещениями, мы имеем дело с рукой и движением.

Именно проведя эти два эксперимента друг за другом, можно, так сказать, “на собственной шкуре” ощутить, в чем заключается разница между перемещением и движением: движение — это *жест*, жест, из которого может родиться действие.

Если я затем возьму более тяжелый камень, смогу ли я тогда перемещать его по кругу? Разумеется, да; тяжесть сама по себе никак не связана с продвижением вперед, если у меня для этого есть соответствующая сила. Чем тяжелее камень, тем больше силы мне нужно затратить, тем больше мне надо напрячь свои мышцы. Мы наталкиваемся тут на свойство мышц, про которое до сих пор не было речи. Мышцы прежде всего связаны с *силой*. Уже говорилось, что для движения, направленного против большего сопротивления, нужна большая мышечная сила. Итак, нужно различить две вещи: с одной стороны, само движение, с другой стороны, сила необходимая для осуществления движения. Движение возможно, если соответствующий предмет силой мышц лишается своей тяжести.

Если я не передвигаю камень, а просто в воздухе делаю рукой движение, все же существует нечто, что я должен лишить тяжести. Это моя рука. Моя рука — это тяжелая часть тела, но когда я двигаю ею в повседневной жизни, в обычных условиях, я ничего такого не чувствую. Так мы пришли к тому, что возвращает нас к выражению: я двигаю своей рукой.

Своей рукой двигаю я, а не мои мышцы. На этом моменте мы сосредоточим свое внимание в следующей главе. Каждую роль при этом играют мышцы, мы уже смогли обнаружить при перемещении камня. Мышцы могут лишить что-то тяжести, потому что они могут развить силу.

Что такое сила? Она возникает из чего-то скрытого от нас и может переполнить нас чувством почтения. Чем больше человек затрачивает сил для действия или поступка, тем больше мы им восхищаемся.

Что живет в наших мышцах

В моей юности танцевали иначе, чем теперь. Танцевали парами, при этом крепко держась в танце друг за друга, был ли это фокстрот, танго или что-то другое, но особенно — в вальсе. Тогда партнер-мужчина всегда был ведущим, а партнерша следовала за ним. Особенно охотно приглашали тех девушек, которые танцевали настолько “легко”, что их почти не ощущали. “Они хорошо слушаются”, говорили о них.

В чем же заключается это “послушание”? А в том, что партнерша реагирует на малейшую смену направления движения партнера. Можно сказать: они “прислушиваются” к намерениям друг друга. Такая партнерша просто не ощущалась в отличие от других, не умевших так “слышать”, и потому словно налитых свинцом!

Но необходим еще *один* небольшой шаг, чтобы увидеть загадку человеческого движения совсем в ином свете. Подобно тому, как мы танцуем в бальном зале со своей партнершей, мы, двигаясь в одиночку, в действительности “танцуем” со своим скелетом! Надо только представить себе скелет как бы одетым в систему мышц.

Почему я не ощущаю тяжести собственного скелета? Потому что мои мышцы лишают его тяжести, и он следует за мной, подобно партнерше в танце.

Мои мышцы при каждом движении “приглашают” мой скелет (мое тело) двигаться следом. Мы танцуем по жизни в паре со своим скелетом. Можно было бы так продолжить эту мысль: “Мы танцуем со смертью” (пока смерть танцует с нами!).

Мои мышцы могут приглашать “на танец” мой скелет только потому, что они постоянно прислушиваются ко мне. Они должны быть как-то связаны со мной, чтобы обладать такой способностью. Эту связь обеспечивают “мышечные нервы” (те самые “моторные нервы”!), благодаря которым “человек из мышц” связывается *со мною* через спинной и головной мозг.

Соотношение центральной нервной системы и душевной жизни, как говорилось, само по себе проблема, к которой мы потом еще вернемся. Пока же достаточно конста-

тировать, что нервы всегда служат тому, чтобы воспринимать, будь этот воспринимающий я сам, или мои мышцы. Тем самым мы установили, что мы в своем теле имеем еще одного человека, которого мы назвали “мышечным человеком”; он ведет внутри нас самостоятельную жизнь, прислушиваясь к нашим двигательным импульсам и предлагая нам в каждый момент движения наше тело; он служит нам. Да, когда мы устаем, т.е. когда наш человек из мышц устает и не может уже продуцировать достаточной силы, тогда ведь не зря говорят: “Мои мышцы отказываются мне служить”. Именно в этот момент я чувствую свои мышцы.

Распространенное представление, что мои мышцы двигают моим телом, тесно связано с этим последним обстоятельством. При определенных движениях мы можем очень явно ощутить, насколько сильно мы нуждаемся в мышцах. Можно было бы почти сказать: если мне необходимо при движении напрягаться, тогда я чувствую, насколько мне нужны мои мышцы.

Предложение: “Именно в этот момент я чувствую свои мышцы” подразумевает и то, что мы чувствуем мышцы тогда, когда хуже можем двигаться!

Если я поднимаю какую-то большую тяжесть и поэтому делаю крайне медленное движение, это иллюстрирует не то, что это “делают” мои мышцы, а то, что это делаю я *посредством* моих мышц. Не стоит, однако, забывать, что при подъеме тяжести на самом деле едва ли можно говорить о движении, но, поскольку все-таки оно имеет место, то этот описанный эксперимент нисколько не противоречит утверждению, что не мои мышцы, а ядвигаю моим телом.

Всегда, когда речь идет о так называемых силачах, тяжелоатлетах, культуристах и пр. мы имеем дело с силой, а не с движением. Поэтому я и говорил, что в отличие от таких случаев движение является *жестом*.

Если бы меня спросили: а силовые трюки разве не такие же жесты, я бы ответил: едва ли. Сила и движение в конечном итоге — противоположности. Движение делаю я, я его предлагаю, я оформляю его с помощью жеста и мои мышцы делают его возможным, не благодаря тому, что они подчиняются мне (вынуждены подчиняться), а потому, что они прислушиваются ко мне, они мне добровольно “слу-

жат". Такой ход мысли помогает лучше понять и тот факт, что при повреждении мышечного нерва наступает паралич мышцы. Мои мышцы в этом случае уже не в состоянии "слышать меня". Они больше не могут служить мне. Но чтобы проникнуться этой мыслью, не следует брать за основу только что описанные особые случаи (подъем тяжести).

Свободное, беспрепятственное движение мы, видимо, скорее всего обнаруживаем в языке жестов. В свободном жесте наилучшим образом сочетается это "оформление" и "служение".

Здесь стоит привести и еще одно неожиданное сообщение. Мои мышцы слушаются не только двигательных импульсов, которые исходят от моего "сознательного Я", но и импульсов, приходящих из совсем другого мира и ведущих мои действия в определенном направлении.

Для тех, кто проникнут чувством действительности кармы, т.е. того, что мы в то или иное время, оказываемся ведомы в том или ином направлении, и переживаем встречи, которые возможны только в это время и в этом месте, должен возникать вопрос, а как же это происходит.

Что это, что заботится о том, чтобы я отправился именно в *то* место, где смогу встретить определенного человека, или *туда* — возьмём пример из Гёте, — где мне на голову упадет с крыши кирпич? Почему мы так часто говорим, услышав, что кто-то другой встретил человека, знакомого и нам: как тесен мир! Нет, не мир тесен, а довольно мала группа людей, имеющих общие дела и встречающихся друг с другом.

Эти знакомые рассуждения явно подтверждают, что большинство из нас предчувствуют реальность реинкарнации и кармических связей, которые направляют наши пути, приводят к встречам, смысл которых остается для нас в повседневной жизни до поры до времени скрытым, или открывается нам лишь впоследствии. Что-то ведет нас туда, но для этого между тем, что нас ведет и нашим "человеком из мышц" должна существовать какая-то скрытая связь, также как это имеет место и при осознанном действии.

Мой “человек из мышц” прислушивается не только к движениям, которые я хочу сделать, он прислушивается и к ведущим импульсам моей судьбы, моей кармы.

То, что мои “мышцы” слушаются импульсов, приходящих и из мира духовного, то есть связаны с тайной моей кармы, могло бы, с моей точки зрения, пролить свет еще на одно высказывание Рудольфа Штайнера (в цикле докладов “Жизнь между смертью и новым рождением в отношении к космическим обстоятельствам” (см. УЛ. 5): *“Карма как бы кристаллизуется в нашей мышечной системе”*.

Многие скажут, что это довольно мудрёное высказывание; но оно позволяет особенно хорошо прочувствовать, как тяжело было такому человеку как Рудольф Штайнер, целиком погруженному в реальности духовного мира, найти общеупотребительные слова, которые бы хоть немного соответствовали действительно пережитому и увиденному им.

Как происходит движение

В начале этой работы говорилось о связи нашего “Я” и мышц через тепло. Этим подразумевалось, что причина мышечной активности предполагается в самоосознающем “Я”, которое — живя в тепловом организме — должно быть связано с мышцами.

Тепло как связь между “Я” и мышцами рассматривалось некоторыми как возможность объяснения сокращений мышц. Но сейчас речь идет о том, чтобы проследить это “Я”, от которого исходят движения, до точек воздействия в теле. Мы должны попробовать ответить на вопрос, как — если следовать развернутому выше ходу мысли — в действительности происходит движение. Ведь в этом и заключается вопрос, на который мы пробуем дать ответ, как мышцам удается нечто “воспринимать”.

Связь “Я” и тела определенно берет свое начало в тепле. Исходя из этого можно представить, что по мере уплотнения (до воздуха или жидкости) как это описывает Рудольф Штайнер в “Очерке тайноведения” (см. УЛ. 6), “Я” должно проникать и в более плотные и глубокие области тела.

Но здесь возникает затруднение. Я существо духовное, мое “Я” — духовная действительность, которая путем тепла ищет доступ к “менее духовному”. Ясно, что здесь существует граница. Мы можем себе представить, что если я, например, хочу подвигать своей рукой, я, овладевая своим телом, натыкаюсь на некую границу именно в тот момент, когда я вынужден вступить во взаимодействие с тяжестью.

Мышцы воспринимают этот момент, после чего происходит нечто тайное, чему и посвящена эта работа.

В книге “Основные моменты усовершенствования искусства врачевания на основе духовнонаучного познания” (см. УЛ.7) Рудольфа Штайнера и Иты Вегман есть очень примечательное высказывание. Оно звучит так: *“Здоровое движение это начало паралича, который немедленно устраняется в самом начале”*. Движение начинается в качестве духовной активности, которая, так как она хочет захватить мое тело, вступает во взаимодействие с материей и может воспринимать этот момент взаимодействия с материальным как “паралич”.

Но благодаря тому, что эта духовная активность воспринимается моими мышцами и они в состоянии предложить мне мгновенно необходимую помощь, чувство паралича немедленно исчезает или вообще даже не успевает осознаться.

Выше говорилось о такой области нашего тела, которая полна активности, но которую мы не ощущаем. Имеется в виду то, что происходит в наших мышцах и то, что собственно и делает возможным наше движение. Что же здесь активно? С каким элементом нашей душевной жизни соотносится эта активность, где происходит в нас нечто, о чем мы и не знаем?

Очень неожиданное высказывание Рудольфа Штайнера поможет нам проследовать дальше: в мыслях человек бодрствует, в чувствах он грезит, в воле он спит.

То, что человек в волении спит — на первый взгляд кажется непонятным. Как часто мы говорим на протяжении дня “я хочу” и при этом со всей очевидностью не спим, совсем напротив!

Но если говорить точнее, это “я хочу” еще не есть воление. Как бы неожиданно это не звучало: “я хочу” это прежде всего только желание и как таковое фактически еще предстает как часть нашей мыслительной и чувственной жизни.

На вопрос: что же такое воление на самом деле, на мой взгляд, есть только один ответ: воля — это действие!

Возможны возражения: как же это я сплю в воле? Я же знаю, что я делаю!

Конечно, но при этом не известно, как это делается. Что происходит в наших мышцах, нервах и т.д. когда мы действуем, именно ускользает от нас. Мы уже указывали на то, что ощущение мышцы возникает только тогда, когда есть сопротивление. Одновременно с этим само движение становится затруднено.

Незнание того, что происходит в наших мышцах, для меня имеет тот же смысл, что и выражение: в воле человек спит. Это однако означает, что человек просто не осознает свое воление. Мы имеем здесь дело с другим “Я”, чем в случае, когда говорим “я есть”. Итак, можно сказать: человек

имеет в своем мышлении “бодрствующее Я”, в своих чувствах “грезящее я” и в своем волении “спящее Я”. Это “спящее Я” является таковым только в отношении “осознающего-себя-самого-Я”. В отношении чего-то другого это я решительно не спит, а именно по отношению к моим двигательным импульсам. В моих движениях это “Я” крайне активно. Оно все время слышит мои двигательные импульсы, оно следует за мной и ведет за мной мой скелет (мое тело).

Итак, мы вновь пришли к исходному пункту этого сочинения, а именно — к утверждению, что мышечные нервы являются сенсорными, — а значит вновь возвращаемся к вопросу, как мои “мышцы” осознают или воспринимают нечто? Я думаю, было бы верным предположить, что то, что мы называем нервной системой является лишь физическим воплощением воспринимающей способности, которая живет во всем нашем теле.

В той мере, в какой мы осознаем впечатления нашего тела, или способны их осознать, мы имеем дело с той частью нашей нервной системы, которая уже давно получила название “сенсорной”. Но мы вынуждены назвать сенсорными и так называемые “моторные нервы”, т.е. наш “человек из мускулов” именно посредством этих нервов воспринимает наши двигательные импульсы. Имея в виду, что это мышечное сознание в конечном итоге также является частью моего “я”, мы могли бы заключить, что следующая мысль Рудольфа Штайнера: “Посредством мышечных нервов (прежде называемых “моторными”) мы осознаем наши движения”, — совершенно правильна.

Можно задаться вопросом, почему Рудольф Штайнер не сформулировал это более ясно. Наши наблюдения за загадкой человеческого движения могут дать ясный ответ на этот вопрос. Рудольф Штайнер очень часто похожим образом ставил перед нами загадки. Для него не было важно просто сообщить еще несколько новых фактов, которые мы, наряду с другим опытом повседневной жизни, могли бы включить в свои представления. Важным для него было личное усилие при размышлении, тренировке сознания. Иллюстрацией того, что я имею ввиду, может служить то, что происходит в нашем сознании в момент, когда ход мыслей как бы полностью “переворачивается”.

Одно только предложение “Я двигаю своим телом” в совокупности с представлением, что при этом мне помогают мои мышцы, что в каждый данный момент они представляют мне, как действующему существу, мое тело в распоряжение, требует совсем иной установки сознания. Обычное понимание движения как простой функции мышц и моторных нервов и т.п. целиком материалистично. Движение предполагается объяснить на примере эксперимента с упомянутым нервно-мышечным препаратом из лягушки.

Когда в начале этой работы речь зашла об этой теории, было отмечено, что в науке все еще нет ответа на вопрос, какова же связь между представлением о действии и импульсами, которые должны идти от головного мозга к мышцам.

Говорилось также, что остается без ответа и вопрос, как чувственные впечатления, проходящие через органы чувств по нервам к головному мозгу, в конце концов превращаются в душевые и духовные переживания.

Однако, это отнюдь не означает, что современные учёные не спят ночами из-за того, что эта проблема еще не решена. Они говорят лишь одно: “мы этого пока не знаем”. Но при этом они хотя бы *в одном* сохраняют уверенность: впечатления, которые поступают к нам извне (сенсорные нервы) или которые идут изнутри вовне (моторные нервы) должны быть описаны как процессы на молекулярном, генетическом, биохимическом и тому подобных уровнях. Все нормально, если только не признавать реальности существования души и духа.

“Я двигаю моим телом” — это представление полностью порывает с такой позицией. Оно ставит меня перед вопросом: как я, в качестве духовного существа, чья реальность мною вне всяких сомнений осознается, могу двигать своим физическим телом?

То обстоятельство, что человек существо духовное, помогает найти доступ к изложенному выше, а кроме того понять ценность немногословных замечаний Рудольфа Штайнера.

Итак, наступил момент, чтобы обратиться к третьему загадочному пункту нашего исследования, о котором Рудольф Штайнэр говорил: **“Если понимание того, что и мо-**

торные нервы так же являются сенсорными, не найдет отклика, человечество не сможет выработать правильное отношение к своему социальному окружению”.

•

Взаимосвязь с “социальной жизнью”

Из двух описанных сфер, “Я” и “мои мышцы”, с которыми мы начали знакомство, одна стоит *на службе* у другой. Здесь появляется понятие, которое можно было бы действительно связать с “социальной жизнью”. Но в человеческом сообществе речь ведь не идет о том, что кто-то один всегда берет на себя инициативу, а другой всегда только служит; напротив, каждый человек должен иметь в своем распоряжении оба эти качества, когда он предполагает вступить в сотрудничество с другим. Можно сказать, что это присутствует в каждом серьезном разговоре, где и говорят и слушают, т.е. ведут и следуют, постоянно меняясь местами.

Насколько это наблюдение связано с проблемами социальной жизни, какими они сложились за последнее столетие, об этом речь подробнее пойдет ниже.

Многим читателям наверное известно, что в антропософском подходе к проблеме человеческого существа, его тела и его душевной жизни важную роль играет трехчленность. Начиная, примерно с 1916 года Рудольф Штайнер описывает человеческое тело, состоящее из нервно-чувственной системы, ритмической системы и системы обмена веществ и конечностей.

И душевная жизнь человека описывается как трехчленная, т.е. состоящая из “мышления, чувствования и воления”. В “науке, искусстве и религии” мы обнаруживаем другую троичность.

Позволю себе здесь личное замечание. Люди, которые знакомятся с антропософией, возможно будут часто говорить: “Антропософия во всём видит трёхчленность, так, в конце концов, и Троицу станут делить на три члена”. Я бы ответил так: “Это верно; но я хотел бы перевернуть это утверждение и сказать, что не Троица является примером трехчленности, а что трехчленность есть образ Троицы”. Если провести эту мысль дальше, мы придем к тому, что человек “создан по образу Божьему”, что для многих, без сомнения, является вполне приемлемой мыслью.

Вернувшись к нашей теме, мы увидим, что вовсе не-трудно сопоставить разные области, в которых присутствует трехчленность. Если взять, например, науку, искусство и религию, то само собой напрашивается соотнести эту троичность с душевными силами: мышлением, чувствами и волением; понятно, что и нервно-чувственная система, и ритмическая система и система обмена веществ и конечностей, относящиеся к членению человеческого организма, также вписываются в этот ряд.

Но вот мы и добрались до главного! — В своей книге “Основные моменты социального вопроса”, но прежде всего в цикле лекций “Духовнонаучное рассмотрение социальных и педагогических вопросов” Рудольф Штайнер говорит о трехчленности социального организма : духовная жизнь, правовая жизнь и экономическая жизнь.

В целом мы склонны связывать духовную жизнь с нервно-чувственной системой (мышление), правовую жизнь с ритмической системой (чувства), а экономическую жизнь с системой обмена веществ и конечностей (воление, желание). Но Рудольф Штайнер сравнивает экономическую систему с нервно-чувственной системой следующим образом:

“Эта экономическая жизнь должна быть внутри социального организма самостоятельным членом, относительно самостоятельным, так же как и нервно-чувственная система является относительно самостоятельной. Такая экономическая жизнь заключает в себе все то, что имеет отношение к производству товаров, их циркуляции и потреблению”.

Если мы сравним роль экономики в современном обществе с ролью нервно-чувственной системы, основываясь при этом на расхожем мнении, что моторные нервы приводят в движение мышцы, мы столкнемся со следующим поразительным совпадением:

Выше было сказано, что в соответствии с представлением о происхождении движения, принятым в традиционной физиологии, можно было бы употребить следующий образ: тело — это марионетка, зависимая от нервно-чувственной системы. А как же обстоит дело с ролью экономики в нашем современном обществе?

Не соответствует ли действительности то, что все современное общество стоит перед угрозой стать марионеткой экономической жизни? Только один пример для иллюстрации (выдержка из статьи в голландской газете “Telegraaf” от 30.8.1984):

НЕМЦЫ НАПУГАНЫ: ДРЕВЕСНО-СТРУЖЕЧНЫЕ ПЛИТЫ ВЫДЕЛЯЮТ ГАЗ

Андре Хертер

По поводу возможного возбудителя рака химического соединителя формальдегида в Федеративной Республике Германия разгорелась одна из самых ярких за все время дискуссий об экономическом росте и охране окружающей среды.

Этот шар был случайно запущен несколько недель назад, когда городское управление Висбадена сделало одному научному институту заказ на проведение замеров загрязненности в 22 детских садах. Это было сделано на основании множества жалоб на ненормально частое отсутствие детей из-за болезни бронхитом и другими заболеваниями дыхательных путей.

Три детских сада должны были быть закрыты немедленно, так как воздух в классных комнатах содержал в семь раз больше допустимой нормы формальдегида. Оказалось, что газ выделялся из древесно-стружечных плит, которыми были облицованы стены и потолки классных комнат и из которых была сделана мебель. Кроме того выяснилось, что уборщицы пользовались средствами для чистки, которые также содержали формальдегид.

Предупреждение

Волнение особенно возросло, когда стало известно, что уже с весны у министра здравоохранения Хайнера Гайслера (ХДС) лежит на столе доклад, в котором предупреждается об угрозе заражения формальдегидом, поскольку он может вызвать аллергии, мозговые поражения, рак. Гайслер обвиняется в том, что он не опубликовал этот материал, чтобы защитить тем самым крупнейшего в мире производителя формальдегида, химического гиганта BASF от опасных для западно-германской экономики последствий. Разумеется, он отрицал это во всех отношениях.

BASF однако явно был готов подробнейшим образом описать, какие последствия для западногерманской экономики имел бы запрет на производство формальдегида. Пресс-секретарь BASF говорил о потере "300 миллиардов в год". Это примерно одна четверть всего западно-германского валового продукта. Как сказал секретарь, формальдегид употребляется в 30 производственных отраслях, и запрет сделал бы по меньшей мере 3 миллиона человек безработными..."

Во всех областях, будь то искусство, преподавание, медицина, или правоведение и политика, мы неизбежно наталкиваемся и на экономические проблемы, хотя эти области по своему содержанию не имеют отношения к экономике.

Но мы еще увидим, что и в сфере социальной жизни нам необходимо иметь дело с совершенно новыми мыслями и чувствами.

Подзаголовок этой работы гласит: “Проблема моторных нервов”. Исходным пунктом было утверждение Рудольфа Штайнера, что социальную жизнь можно развивать только в том случае, если люди внесут поправку в свое представление о моторных нервах. Поэтому наша задача и заключается в том, чтобы спросить: где находится связь между неким превратным представлением из определенной области физиологии человека с невозможностью развить правильные социальные отношения?

Один аспект проблематики, перед которой мы оказываемся в обоих случаях, мы можем выразить при помощи одного и того же образа: согласно традиционной физиологии фактически мы являемся марионетками нашего мозга; но это, как мы убедились, утверждение неверное, требующее поправки.

В практической жизни — мы марионетки экономики. Но и это не должно быть так. Это следует изменить.

Тот, кто до сих пор следил за моим описанием происхождения движения заметит, как его чувства и мысли получили новое направление. Переживание такого обновления нашего способа мышления, которое должно затрагивать не только наш разум, но и наше сердце, может стать как источником радости, так и заставить задуматься. Благодаря этому мысли Рудольфа Штайнера только и могут быть восприняты в правильном свете.

То, что человек только *тогда* сможет правильным образом развить социальную жизнь, когда преодолеет свое представление о моторных нервах, вовсе не лежит на поверхности. Поэтому очень важно почувствовать, как мы, благодаря описанному ходу мыслей, оказываемся вынуждены разvить совершенно новое понимание человека как целого.

Выводы

Тот, кто впервые встречается с развитым здесь подходом, наверное может спросить: “Как же изменение направления мыслей может иметь такие последствия для социальной жизни, как это здесь утверждается?”.

Мы говорили о полярности Востока и Запада, при этом мы сегодня невольно думаем о двух “гигантах” России и Америке. Мы должны вместе с тем прояснить для себя насколько эти две страны могут служить примерами понятий “идеология” и “экономика” при том, что под идеологией мы подразумеваем и все то, что например, происходит и в Сирии, и в Ливане, в Иордании, в Израиле и пр..

Мы охарактеризовали полярность Восток-Запад так: “стремление к власти” и “стремление к собственности”. За всем этим стоял поиск некой середины, в которой могли бы сойтись и оплодотворить друг друга эти противоположности.

Представление о моторных нервах, распространенное повсюду, базируется на сугубо материалистическом способе мышления. Если иметь мужество признать: то, что происходит и живет в мышцах имеет отношение к духовной действительности, в которой человек живет, даже если он сам этого не осознает — это будет первым шагом к преодолению такой односторонности.

Здесь была высказана мысль, что мышцы способны к восприятию, и это подразумевало, что они обладают своей собственной жизнью. Описать эту жизнь нелегко, однако, так бывает всегда, когда речь идет о жизни в той или иной ее форме. Хотя и принято говорить о жизни растений, о жизни животных и т.п., но что при этом имеется в виду? Понятие “жизнь растений” сужается до биохимических процессов, которые определяют явления жизни как “функции”. То же самое, конечно, относится и к жизни животных, но необходимость объяснить восприятие животных — как мы его здесь представили в начале — заставляет современную материалистическую науку уже гораздо сильнее

ломать голову. Если мы говорим о восприятии, большинство людей спонтанно все же думают о чем-то, что воспринимает, т.е. о том, что мы связываем с понятием “душевной жизни”. В материалистически ориентированной науке понятие “души” исключено. “Восприятие” часто приравнивается к раздражимости, т.е. к реакции на определенные раздражения.

Мы не собираемся распространять эти явления и на духовную жизнь человека, поскольку было бы слишком трудно найти для этого доступные всем понятия (см. Стр. 16).

Жизнь, душа, дух — это реальности, которые открываются в материальном мире, но которые уже не распознаются как собственные миры с собственными законами, проявляющимися в физической форме.

Это означает, что если здесь речь идет о мышцах, которые способны воспринимать, тем самым мы указываем и на духовный элемент, который должен быть воспринят также реально, как и видимые формы физического мира, в котором мы живем.

Таким образом, следовало бы по достоинству оценить понимание того, что отказ от понятия “моторных нервов” одновременно означает признание действительности жизни души в самих мышцах.

Противопоставление Востока и Запада формировалось постепенно в течение веков в том числе и потому, что люди все больше привязывались к материальному миру, и переосмысление этого может произойти только очень медленно. Я полагаю, что и полный переворот в понимании происхождения движения возможен только тогда, когда человек постепенно освободится от пустивших в нем корни материалистических предубеждений.

Человеку потребовались века, чтобы развить материалистическое представление о происхождении наших движений; так как это представление было столь радикально материалистическим, из виду полностью скрылась действительность жизни, души и духа.

Пусть даже эта область, в которой мы находим начало наших телесных движений невелика, изменение мышления и чувствования, которое происходит вместе со сменой способа рассмотрения, нельзя недооценивать. Представим себе:

вокруг нас существует мир, в котором миллионы людей думают о моторных нервах таким образом, который только и возможен в материалистическом мировоззрении, и при этом у них всё более и более исчезает сознание невидимого. Но коррекция представления о моторных нервах возможна лишь тогда, когда понятия жизни, души и духа вновь получат признание, — поскольку люди еще не полностью утратили понимание реальности этих понятий, — и сможет возродиться удовлетворительное в научном плане представление об этих феноменах.

Думаю, что коррекция гипотезы о моторных нервах окажет влияние на всю душевную жизнь человека, и более того — приведет к пониманию трёхчленности человеческого образа, трёхчленности социального организма и, наконец, трёхчленности всей мировой структуры. Только увидев такие значительные связи, мы можем по достоинству оценить высказывания Рудольфа Штайнера.

В начале этого сочинения речь шла о Востоке как сфере власти и о Западе как сфере собственности, т.е. экономики. Те, кому знаком “Краеугольный камень” (см. УЛ. 8) Рудольфа Штайнера, знают изречение: “*Дайте Востоку зажечь огнем то, чему Запад дает форму*”. И это тоже созвучно сказанному выше.

Для того, чтобы между такими полярностями как власть и экономика осуществилось социальное отношение, на месте слова “власть” должно встать слово “сила”. Западное сознание, которое теснейшим образом связано с законами экономики, могло бы подарить социальной взаимной жизни народов организующую “форму”.

И так между двумя этими полярностями может возникнуть пространство для некоей середины.

Только лишь “выслушивать” или “рассказывать дальше”, что же Рудольф Штайннер говорит о моторных нервах, которые должны быть сенсорными, не имеет смысла. Только полное проникновение в его кажущееся парадоксальным утверждение может действительно изменить наше сознание, наши чувствования и наши действия. А это возможно, только если мы готовы выработать совершенно новый взгляд на наше окружение, который связан не только с нашей головой, разумом, но и с сердцем.

Можно сказать об этом словами Лиса из “Маленького принца” (см. Л. 9) Антуана де Сент-Экзюпери: “Хорошо видит только сердце. Главное скрыто от глаз”.

Указатель литературы

1. Dr. Rudolf Steiner: "Die Kernpunkte der sozialen Frage" (Rudolf Steiner Verlag, Dornach/Schweiz, GA Nr. 23, 6. Aufl. 1976).
2. Herbert Hensel und Hans Jürgen Scheuerle: (Zusammenstellung von) "Zur Frage der motorischen und sensitiven Nerven — Auszüge aus Werken Rudolf Steiners (Druck: Symon und Wagner OHG, Marburg, Biegenstrasse 5, BRD).
3. Dr. Rudolf Steiner: "Geisteswissenschaftliche Behandlung sozialer und padagogischer Fragen" (Rudolf Steiner Verlag, Dornach/Schweiz, GA Nr. 192, 1. Aufl. 1964).
4. L.F.C. Mees: "Tiere sind, was Menschen haben" (J.Ch. Mellinger Verlag, Stuttgart, BRD, 1. Aufl. 1987).
5. Dr. Rudolf Steiner: Das Leben zwischen dem Tode und der neuen Geburt im Verhältnis zu den kosmischen Tatsachen" (Rudolf Steiner Verlag, Dornach/Schweiz, GA Nr. 141, 4 Aufl. 1983).
6. Dr. Rudolf Steiner: "Die Geheimwissenschaft im Umriss" (Rudolf Steiner Verlag, Dornach/Schweiz, GA Nr. 13, 26 Aufl. 1977).
7. Dr. Rudolf Steiner und Dr. Ita Wegman: "Grundlegendes für eine Erweiterung der Heilkunst nach geisteswissenschaftlichen Erkenntnissen (Rudolf Steiner Verlag, Dornach/Schweiz, GA Nr. 27, 5 Aufl. 1977).
8. Dr. Rudolf Steiner: "Die Grundsteinlegung der Allgemeinen Anthroposophischen Gesellschaft" (Rudolf Steiner Verlag, Dornach/Schweiz, Aus GA Nr. 260, 1978).
9. Antoine de Saint-Exupéry: "Der kleine Prinz" (Karl Rauch Verlag, Düsseldorf, BRD, 1978, ISBN 3 7920 0002 4).

Содержание

Введение	3
Неожиданное утверждение	6
Загадка человеческого движения	9
Общепринятая теория	9
Предварительное обобщение уже изложенного	12
Движение и восприятие в животном мире	15
Перемещение и движение	18
Что живет в наших мышцах	20
Как происходит движение	25
Взаимосвязь с “социальной жизнью”	29
Предупреждение	33
Выводы	34
Указатель литературы	38
Содержание	39

Л.Ф.К. Мейс

ЗАГАДКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ISBN 5—87317—028—2

Сдано в набор 15.08.96. Подписано в печать 18.09.96.

Формат 60×90/16. Объём 2,5 уч. изд. листов.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Гарнитура Таймс.

Тираж 1000 экземпляров.

"Товарищество научных изданий КМК"

111531, Москва, Шоссе Энтузиастов-100-5-56

ЛР № 070831 от 25.01.9